

Два часа спустя Гарри и Гермиона лежали на его диване, обнимая и обнимая друг друга, наблюдая за теплым камином в гостиной дома Гарри под холмом, их животы были уютно набиты французскими тостами Добби, в то время как Гарри заканчивал рассказ о том, как он пришел, чтобы жить там. Она довольно серьезно кивнула, когда он сказал ей, что никому нельзя делиться этой информацией.

— Итак, вы видите, — сказал Гарри. «Ничего из этого не было о избалованном богатом ребенке, который закатил истерику и больше не хочет вести себя хорошо».

«Гарри, я просто не думаю, что это хорошая идея — прятаться от своих проблем», — сказала она.

— Критическое мышление, любовь моя, ты умнее, — упрекнул Гарри.

"Что ты имеешь в виду?"

«Я вернулся в школу ровно на пятьдесят дней. Подумайте о том, что вы видели, как я делал, и о проблемах, с которыми я справлялся». Он говорил мягко и видел, что она действительно думала о них. «Похоже ли это на действия человека, который прячется от своих проблем?»

"Нет, я думаю, что нет," сказала она. Учтывая все, что произошло за последние пятьдесят дней, Гарри напрямую столкнулся с большим количеством проблем и решил их, чем кто-либо другой в волшебном мире за год. «Тогда...» она замолчала, явно желая все обдумать, прежде чем снова заговорить.

Гарри заметил это и улыбнулся, счастливый, что она стояла к нему спиной, чтобы не смущаться.

Затем она ахнула, ее тело прижалось к нему интересным образом. "Вы были эмансипированы!"

— Да, как я сказал.

— Но... если ты взрослый и богатый, зачем ты вернулся в Хогвартс? Зачем получать оценки от людей, которые для тебя не важны?

«Мне нужно было кое-что решить. Я не мог уйти от этой плохой ситуации и знать, что мои друзья все еще в ней. И я хотел увидеть выражение лица этого старого ублюдка, когда я сброшу его на колышек или шесть. »

— Гарри... веришь или нет, но я до сих пор не говорил о том, зачем пришел к тебе в гостиную.

Гарри сжал ее руку, притягивая еще ближе. — Ты был слишком напуган? — выдохнул он ей

прямо за ухом.

"Нет. Я имею в виду... ну, отчасти, но не поэтому", сказала она. «Я хотел поговорить с тобой о Роне. Я просто не могу понять, что с ним сейчас происходит».

Гарри вздохнул. Он точно знал, что происходит с Роном, но воздерживался от разговора об этом. — Я знаю. Я не собирался ничего говорить, пока ты или он не заговорит об этом. Но я точно знаю, что происходит с Роном.

«Это секрет? Или я могу чем-то помочь?»

"Нет, ни то, ни другое. Это не секрет, потому что я не думаю, что он знает себя, пока. Рон держится от тебя подальше, и уже пару месяцев. Верно?" Он ждал ее кивка. «Это из-за двух вещей. Во-первых, потому что он сторонник превосходства крови».

Ее фырканье было громким и совершенно неженственным. — Это просто глупо. Рон?

«Да, опасным и трудным способом. Трудным, потому что он даже не осознает, что делает это. Рон был хорошим другом, но он не один из величайших мыслителей в жизни. Волшебники «лучше», чем другие люди. Не задумываясь, он просто «знает», что волшебники лучше, а чистые волшебники лучше нечистых».

«Но Гарри, он никогда не говорил ничего подобного в моем присутствии! Почему ты думаешь, что он такой?»

Он тихо сказал: — В его сознании он вообще никогда не был рядом с магглами. В сознании Рона Уззли он сейчас среди волшебников. Пока он в Хогвартсе, люди вокруг него не вторгаются в его сознание, как по-другому — все в Хогвартсе должны быть волшебниками, иначе они не смогут туда попасть. Но глубоко внутри, где оно редко видит свет, живет эта вера. И это опасно, потому что он не думает об этом».

Гермиона немного подумала об этом в тишине. Она знала, как секреты могут прятаться, разрастаться или гноиться внутри, всплывая на поверхность и вызывая неприятности в неподходящее время. — Так вот почему он избегает меня? она спросила.

— Нет, Гермиона. Вторая причина в том, что он влюблен в тебя.

«Я не понимаю. Почему он избегает меня, если я ему нравлюсь?»

«Потому что он не знает, как примирить эти две вещи. Они сбивают его с толку, дорогая. Он хочет тебя, но знает, что твои родители — магглы. чистокровный. Хотя его родители никогда намеренно не учили его предрассудкам, они непреднамеренно делали это просто своим способом воспитания детей.

«Вдобавок ко всему, он видел, что я сделал с Пэнси Паркинсон на прошлой неделе, и он знает, почему я это сделал. Так что он не знает, как с тобой разговаривать прямо сейчас, и он смертельно боится, что скажет что-то не так. вещь, и я сделаю ему пиропатрон».

— Но... — начала она, а потом начала сначала. "Хорошо. Я собирался сказать, что это глупо, и у него нет причин думать, что ты это сделаешь. Но опять же, он не один из величайших мыслителей в жизни. Что мы можем сделать, чтобы помочь ему? Чтобы вернуть его?"

— Не знаю, Гермиона. Во-первых, он пожалеет, когда узнает, что мы с тобой пара. Во-вторых... ну, во-вторых, я не знаю ничего, кроме удара по голове. голова, которая заставит его думать об этом и крепко думать, не бросая шатание. Он вспыльчивый. Любая попытка обсудить эту тему разозлит его».

Она знала, что он прав. Рон получил полную дозу печально известного темперамента Уизли по материнской линии семьи. Как и его мать, Рон редко думал; он просто отреагировал. И часто невозможно было сказать, какой будет реакция.

Двое погрузились в молчание, глядя в огонь и получая утешение от близости тел друг друга.

Λ

Гермиона медленно просыпалась. Ее глаза все еще были закрыты, вещи вторгались в ее сознание одно за другим, по порядку. Тепло от Гарри. Твердость его груди на ее спине. Медленное щекотание его дыхания на ее затылке. Сила его правой руки вокруг нее, достаточно высоко, чтобы плотно прижаться к нижней части ее левой груди.

Затем медленная улыбка, когда она заметила совсем другую твердость на своей заднице. Новым и странным, и все же... знакомым, старым как мир. Пульсирует в такт его пульсу. Как она могла не улыбнуться? Давление на нее было теплым доказательством того, что он хотел ее. Книжная сторона Гермионы вспомнила, как раньше это называлось «рефлексом галантности»; в то время как ее женская сторона думала об этом такими словами, как «пульсация». Милостиво, подумала она с ухмылкой. Если бы столько крови перетекло в другую часть моего тела, я бы, наверное, потерял сознание!

Гарри не включил заколдованные окна, так что узнать, который час снаружи, было невозможно. Ей было все равно. Каким-то образом, все еще не открывая глаз, она поняла, что он не спит. Она прошептала: «Гарри?»

"Да любовь?" — ответил он голосом, который был намного ниже и хрипкое, чем обычно.

Она повернулась под его рукой, пока ее грудь не прижалась к нему, ее вес был наполовину на нем. Наконец она открыла глаза, заметив, что он превратил диван в кровать, пока она спала, с шелковыми простынями и меховыми одеялами. Она посмотрела ему в глаза и увидела в них желание; желание держится под строгим контролем его чувства чести и права.

Она двинулась, чтобы поцеловать его, прижимая свои груди к его груди и скользя своим холмиком по нему.

— Гермиона, — сказал он ей в губы. «Не начинай ничего, что не собираешься закончить».

«Гарри, ты знаешь меня уже шесть лет. Я одержим. Я всегда заканчиваю начатое».

Λ

Следующее утро было ясным, солнечным, тихим и довольно холодным. Эти двое очень хотели вернуться в замок пешком, но они понимали, насколько плохо будет, если их увидит возвращающийся какой-нибудь студент или сотрудник. Тем более, что это были не выходные в Хогсмиде. Хотя они оба были взрослыми в волшебном мире, они знали, что это будет проблемой.

Как бы это ни смущало Гермиону, Гарри аккуратно решил проблему. Когда они оба были одеты и готовы идти, они стояли в его гостиной. — Добби?

— Да, мастер Гарри.

— Мой дом до сих пор секрет, Добби, — сказал Гарри, увидев кивок эльфа. «Гермиона — единственный человек, которому я рассказал. Никто другой не должен знать об этом без моего разрешения. Хорошо?»

— Конечно, мастер Гарри, сэр. Добби выглядел довольно серьезным, каким он и был. Он гордился тем, что был хорошим домашним эльфом, а домашние эльфы были волшебным образом обязаны хранить секреты своих хозяев.

— Спасибо, — сказал ему Гарри. — Я знал, что ты поймешь. Сейчас мне нужно отвезти Гермиону в школу, но, возможно, увидимся сегодня вечером.

Гарри сделал жест, и перед ним быстро выросла большая овальная тьма. Как дыра посреди ничего. Он изменил его, чтобы он вел себя как большой смотровой портал, показывающий внутреннюю часть библиотеки Хогвартса. Как окно на самом деле, каким оно и было. Когда он убедился, что за этой частью библиотеки никто не наблюдает, он обнял Гермиону за талию и шагнул в портал. Когда эти двое прибыли — молча — в библиотеку, Гарри махнул рукой, и портал быстро сузился до небытия, как будто ворот никогда не было.

Глаза Гермионы расширились, и она собиралась что-то сказать, когда поблизости послышались голоса студентов. Он прикоснулся пальцем к ее губам, и она вовремя остановилась, чтобы не спросить его. Она отчаянно хотела узнать, что это за магия, позволяющая ему создавать рифт-двери. И знание того, что у него есть сила сделать то, что она всегда считала невозможным, быстро изменило ее взгляд на желание. Она взяла его палец в рот, лизнула его и

недвусмысленно дала понять, что хочет его прямо здесь, в библиотеке.

Гарри улыбнулся, заменил палец губами в быстром, но страстном поцелуе и взял ее за руку, чтобы выйти из-за стеллажей — только чтобы столкнуться с Колином Криви с широко раскрытыми глазами.

— Мерлин, Гарри! — воскликнул он. «Ты чуть не напугал меня до смерти!»

— Привет, Гарри, — сказал Деннис, его брат стоял в стороне. — МакГонагалл тебя когда-нибудь нашла?

Гарри невозмутимо ответил: «Нет, Деннис. Когда она искала меня?»

"Все утро, Гарри," ответил Колин, в то время как оба мальчика ухмылялись. «Что-то насчет заседания правления. Может, ты захочешь связаться с ней, если закончишь».

Гермиона высокомерно держала голову, словно выше таких мелких забот, как то, что братья Криви знают о ней и Гарри. Эффект был полностью разрушен ее яростным румянцем.

Через несколько мгновений Гарри уже стоял в дверях кабинета профессора МакГонагалл. — Могу я вам помочь, профессор?

Она вздрогнула от его голоса, но нахмурилась от собственной реакции. — Мистер Поттер, — рявкнула она, — не могли бы вы рассказать мне, где вы были?

Гарри очень быстро захлопнул двери своего лица, отключив все эмоции. У него это получалось очень хорошо. Когда он говорил, его голос был настолько лишен эмоций, что звучал почти механически. — Ясно, мы вернулись к «мистеру Поттеру», не так ли? Тогда очень хорошо. Да.

— Да что? Где ты был?

«Да, ответ на ваш вопрос. Вы спрашивали, не возражаю ли я. Мой ответ — да, не возражаю». Он остался стоять, глядя на нее и опираясь на свой посох.

— Мистер Поттер, я несу ответственность за учеников младше...

— Нет, — сказал он тихо.

— Нет? Что ты имеешь в виду под «нет»? Я должен знать и быть уверенным в...

— Нет, — сказал он снова.

— Мистер Поттер, мне не приятно, что вы прерываете...

«Тогда перестань говорить чушь», — сказал он. Он поднял руку, когда она снова начала. «Нет. Ты чего-то боишься прямо сейчас. Боязнь заставляет тебя стыдиться. Когда тебя заставляют чувствовать стыд, ты злишься. Он ударил концом своего посоха об пол, заставив МакГонагалл моргнуть. Когда она открыла глаза, его уже не было.

Профессор Минерва МакГонагалл плюхнулась обратно в кресло, ошеломленная и ошеломятая. Прошло много-много лет с тех пор, как ее так тщательно отчитывали. И еще студентом! Желчь. Полная безрассудство!

Она кипела, не говоря ни слова, одна в своем кабинете, задаваясь вопросом, что она собирается делать. От этого никуда не деться, она была в расколе.

— О, Гарри, — сказала она устало и раздраженно. — Только что нам с тобой делать? Она опустила голову и потерла виски.

Она как будто слышала его голос в своей голове. Но в этом вся проблема, Минерва. Я не твой, чтобы с тобой что-то делать.

— Ах, — сказала она, ее акцент усиливался во время сильного стресса. — Я действительно пытался запугать тебя, не так ли?

Да.

— И ты действительно разговариваешь со мной, не так ли? Она по-прежнему говорила вслух; это был единственный известный ей способ.

Да.

«Прости, Гарри. Пожалуйста, вернись, у нас проблема».

Тотчас же он снова оказался в дверном проеме. «В следующий раз, — сказал он, — пожалуйста, начните с этого».

«Гарри, нас с тобой вызвали к Совету управляющих. Речь идет о Пэнси».

Ему не нужно было спрашивать; он точно знал, чего они хотят и что они собираются сказать. "Когда?" он спросил.

"Время час."

— Я полагаю, тебя тоже вызывают на ковер, верно?

"В манере говорить," сказала она. «В совете есть те, кто не одобряет то, что я занимаю должность директора. Несмотря на то, что стало ясно, что моя должность временная, некоторые хотят, чтобы я был уволен».

— Понятно, — сказал Гарри, и он понял. Еще несколько вещей встало на свои места в его уме; вещи, которые сделали его так же ясно, что он должен был сделать. «Профессор, я встречу вас у дверей зала заседаний около часа дня. Вас это устроит?»

<http://tl.rulate.ru/book/80319/2440573>